

Елена
Арсеньева

Грешные
музы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева

**Обитатели разных планет
(Пабло Пикассо – Ольга Хохлова)**

«ЭКСМО»

Арсеньева Е. А.

Обитатели разных планет (Пабло Пикассо – Ольга Хохлова) /
Е. А. Арсеньева — «Эксмо», — (Грешные музы)

ISBN 978-5-425-02736-8

ISBN 978-5-425-02736-8

© Арсеньева Е. А.
© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Обитатели разных планет

Пабло Пикассо – Ольга Хохлова

Ну что тебе сказать, Поль...

– Пабло! Слышишь, Макс? Зови меня Пабло, я просил тебя две тысячи раз!

– Две тысячи? Ну, это чепуха, мой малыш. Вот если бы ты мог дать мне две тысячи франков за то, чтобы я называл тебя не Поль, а Пабло, тогда, конечно, мне стоило бы подумать. Но я чувствую, что и за это мое гаданье ты не намерен платить. Я не получу не только двух тысяч, но и двух франков. Поэтому давай договоримся сразу: я буду звать тебя так, как захочу, но взамен хорошенько погадаю. Я напророчу тебе сокрушительный успех, кучу денег, безумную любовь прекрасной дамы... Как, ты согласен, Поль?

– Зови меня Паб... то есть я хочу сказать, да, конечно, согласен!

Макс Жакоб, неимущий поэт с Монмартра, похожий на клоуна, переодетого в классного наставника, снисходительно кивнул, медленно тасуя карты Таро и задумчиво водя взглядом по сторонам, словно бы ища вдохновения в созерцании стен своей каморки на улице Равиньян, устроенной в бывшей кладовой для помойных баков. Честно говоря, в этом убогом жилище, лишенном даже окон, так что приходилось постоянно держать зажженной керосиновую лампу, в этом жилище, где из мебели имелись только матрац на кирпичках, старое кресло, покрытое лоскутом красного бархата, да столик, на котором поэт (и живописец в придачу) рисовал свои гуаши, раскладывал пасьянсы или гадал, – честно говоря, здесь навеять вдохновение могла только яркая ширма, расписанная в стиле Тулуз-Лотрека. Ширму расписал в период увлечения творчеством этого художника невысокий черноглазый молодой человек, который сидел сейчас на краю матраца. Звали человека Пабло Пикассо, он был испанец из Барселоны, и Макс Жакоб обожал его всеми фибрами своей мужественно-женственной души. Это была любовь, которая, как он писал в своих стихах, «не решается себя назвать», потому что если Макс предпочитал бледных мальчиков, то Пабло обожал роскошных блондинок. Одну из них, свою нынешнюю подружку и натурщицу, Фернанду Оливье, он и притащил сейчас с собой к другу-поэту, другу-пророку.

– Безумную любовь прекрасной дамы? – повторила Фернанда, прижимаясь к плечу своего художника. – Зачем ему сулить такую любовь, Макс? Она уже есть у Пабло. Ведь я его люблю! Не довольно ли с него?

И она кисло-сладко улыбнулась, скрывая свою неприязнь к этому комическому уродцу с огромными глазами, которые, казалось, таили в себе всю мировую скорбь. Фернанде было противно в его убогой каморке, где тошнотворный запах керосина и закаменевших окурков мешался с запахом эфира. (Жакоб, в отличие от многих других обитателей Монмартра, таких, как Модильяни, пристрастившихся к гашишу или кокаину, научился использовать для обострения ощущений эфир, свободно продававшийся в аптеках.) Конечно, и они с Пабло жили не роскошней. Порой они так бедствовали, что не имели девяти сантимов, чтобы заплатить за похлебку с говядиной. И тогда, в такие тяжелые дни, оставалось лишь надеяться, что Бизу-Бизу, кот-ворюга Фернанды, снова принесет ей и ее любовнику кровяную колбасу, которую он таскает у соседа! Совсем изголодавшись, Фернанда и Пабло ранним утром совершали набеги на дома зажиточных буржуа на улочках Монмартра, надеясь стащить молоко и круассаны, поставленные разносчиками у дверей. А иногда любовники заказывали обед у кондитера-трактирщика с улицы Абесс. А когда посыльный приносил заказ на дом, Фернанда, не открывая, кричала, что еще не одета, поэтому корзину можно оставить у двери, она придет и заплатит потом.

Слов нет, Фернанда и впрямь исправно платила, когда Пикассо продавал очередную картину и разживался деньгами. Сначала он получал только су и франки, потом дело дошло и до луидоров, которых они прежде и не видели. Когда скупщица картин Берта Вейл заплатила ими Пикассо в первый раз, он, не веря глазам, стал стучать луидором о мостовую, проверяя его подлинность по звуку!

Но в том-то и дело, что Фернанда с Пабло были бедны на самом деле, а не притворялись бедняками. А вот Жакоб – вообще-то человек весьма зажиточный. Дамы-попечительницы приносят ему как бедняку ношенные вещи: штопанные носки, свитера и даже небольшие суммы денег. Он принимает подачки, рассыпаясь в благодарностях. Потом пошучивает:

– Зачем отказывать добрым женщинам?

А когда наступает вечер, Жакоб в элегантном костюме (его кузен Гомпель владеет сетью магазинов «Пари-Франс» на бульваре Вольтера, и какое-то время Пикассо по протекции Жакоба работал там кладовщиком!), надушенный, оживленный, шляется по литературным салонам, незаметно оставляя на столах роскошно изданные сборники своих стихов, а потом подцепляет в злых местах согласных на все юнцов, подобно тому как приличные люди подцепляют девок на улицах Кусто, Стейнкерк или в каком-нибудь борделе вроде «Серого попугая», о котором даже песенка сложена:

Совсем не серый этот «Серый попугай» —
Сверкает он и пурпуром, и златом,
Здесь можно девочку найти
И бедным, и богатым.
Глаза на нарушение закроет полисье...¹
Шикарная мадам торчит у входа:
«Свербит в штанах, мсье?
Своего требует природа?
Тогда пожалуйста в салон!
У нас малышки —
Просто загляденье!
Их глазки,
грудки,
попочки
Даруют вдохновенье!
А обхождение —
Истинный бон тон!»

Смешнее всего, что и любители мальчиков, и любители девочек и впрямь уверяют, будто те и другие необходимы им не только для обхождения в постели, но и для вдохновения, а художникам – еще и как натурщики и натурщицы. Ох уж эти творческие люди...

Вот и Фернанда нужна Пабло для того и другого. Уж сколько лет они вместе, и Пикассо уже стал довольно известным художником (не без ее помощи!), а все не намерен расставаться с ней. И даже мечтая перебраться с Монмартра, где он устроил десять лет назад, еще в 1900 году, свой первый плацдарм для завоевания Парижа, на Монпарнас, Пабло хочет взять с собой Фернанду.

Все хорошо, все отлично складывается в их жизни, все просто и ясно. Зачем ему только понадобилось идти напоследок гадать к противному Жакобу, столь *двусмысленному* человеку?!

¹ Policier – полицейский (франц.).

Здесь, на Монмартре, этом обиталище художников и поэтов, многие считают Макса Жакоба пророком и целителем. Тьфу, какая чепуха! Тогда и бабушка Фернанды была великой целительницей. Она тоже, как и Жакоб, верила, что веревочка с узелками помогает от радикулита, а индийские каштаны – от ревматизма. Макс убедил Фернанду всегда носить в сумочке слиток меди – якобы этот металл соответствует ее астральному знаку.

Глупости все это! А сколько народу Жакобу буквально в рот заглядывает... И только наивная вера самых разных людей в его магические способности дает ему средства на жизнь. Ведь его литературные произведения либо не продаются, либо приносят смехотворные доходы. Фернанда совершенно точно знает, что за сказочку для детей «Король Кабул и поваренок Говен» ему заплатили всего 30 франков! Да и гуаши, которые он срисовывает с открыток с видами Монмартра и умудряется всучить каким-нибудь бестолковым американцам-туристам, уходят за гроши. Свои деньги Жакоб получает, составляя гороскопы! Один был составлен по заказу газеты «Энтразижан» для политического деятеля Жозефа Кайо, когда тот стал президентом правительственного Совета, и принес монмартрскому астрологу известность. Ходят слухи, сам Поль Пуаре, знаменитый кутюрье, восхищается способностями Жакоба (интересно, только ли магическими?) и всегда советуется с ним, прежде чем запустить новую коллекцию платьев. Он даже направляет к нему клиентов. По понедельникам, в приемный день, у дверей чуланчика Жакоба выстраиваются фиакры. Он гадает на картах Таро или на кофейной гуще всем подряд, не делая различия между домохозяйками или шикарными дамами, которых посылает к нему Пуаре. И уж они-то платят так платят! Хорошо, что сегодня не понедельник, а пятница, не то Пабло и Фернанде пришлось бы стоять в очереди, чтобы попасть к «астрологу Максусу».

Фернанда фыркнула, но тут же подавила смехок.

Пятница? Сегодня пятница? Diabolo, плохой день! Не стоило, ах, не стоило нынче приходить к Максусу! Сейчас наговорит каких-нибудь гадостей!

– Шерри-Ферри, ты уснула?

Голос Пабло!

Фернанда встрепенулась:

– Нет, с чего ты взял? Просто задумалась немножко.

– Ах, как приятно, что в этой премилой головке водятся мысли! – хохотнул маг-пропицатель.

Этот проти-ивный Макс! Ну да, думает, он один на свете умный.

– Вам понравилось мое пророчество, Фернанда? Поль станет мировой знаменитостью, гением и миллиардером!

Что, гадание закончилось? Ну надо же, а ведь она ничего не слышала, так глубоко задумалась. Но нельзя подавать виду, а то «месье» Жакоб обидится.

– Это очаровательно, Макс! Я буду ждать с нетерпением, когда все исполнится!

Жакоб вытаращил глаза:

– Неужели? Но ведь вас тогда уже не будет рядом с Полем.

Если бы Фернанда не сидела, она непременно упала бы.

– Меня не будет? А где ж я окажусь? И кто будет рядом с По... то есть с Пабло, вместо меня? Нет, он меня не бросит! Правда, Пабло?

– Вы сами уйдете от него, Фернанда, – печально покачал головой Жакоб. – Сами, по доброй воле. И вместо вас появится другая. Потом третья. А потом... потом наш Поль женится! Его жена окажется аристократкой и настоящей красавицей, она будет танцевать даже лучше, чем Ля Гулю. У них с Полем родится сын, они проживут рядом много лет, но они... они навсегда останутся обитателями разных планет. Так скажет один его друг... я сейчас не стану называть его имени.

Фернанда не выдержала и захохотала. Пабло женится? У него будет сын? Это невероятно! А еще невероятнее, что на свете сыщется женщина, которая сможет танцевать лучше, чем тощая обжора Ля Гулю², которая проводит каждый вечер в танцзале «Мулен ля Галетт». Вранье все это.

Вранье! Вранье! Макс Жакоб наврал или ошибся!

Зря, зря она так. Макс Жакоб не наврал и не ошибся ни в одном своем пророчестве. Даже в этом, таком странном, – насчет обитателей разных планет...

* * *

– Смерть русским! Смерть русским!

Партер неистовствовал. Галерка присоединилась. Ложи не отставали.

Как только занавес сомкнулся, Сергей Дягилев ворвался за кулисы:

– Господа! Больше на сцену ни ногой! Немедленно по гримеркам! Пакуйте чемоданы!

– Смерть русским! – неслось из зала.

Дягилев схватился за голову. 18 мая 1917 года – этот день он запомнит надолго как день своего величайшего провала.

Какой кошмар! Основатель и вдохновитель «Русских сезонов» в жизни не знал, не предполагал такого... Казалось, это была замечательная идея: поручить Леониду Мясину поставить балет на основе либретто модного эпатажного писателя Жана Кокто, оформление отдать не менее модному и еще более эпатажному художнику Пикассо, а музыку попросить написать композитора-новатора Эрика Сати. И что получилось? Скандал или успех? Триумф или провал? Если кричат – «смерть», значит, скандал или провал...

Боже мой! На премьеру в театр Шатле пришел весь Париж, ведь само имя Дягилева притягивало как магнит. И весь Париж вместе с соотечественниками Дягилева освистал этот гениальный балет!

Напрасно Дягилев подготовил клаку, созвав в театр всех найденных в монпарнаских кафе художников, поэтов и солдат-отпускников. Более того – часть билетов он распределил даже среди группы солдат русского экспедиционного корпуса, прибывшего в Париж после петроградского революционного февраля. И ничто не помогло.

Но негодование французских зрителей вызвало не либретто Кокто, не отличавшееся, между нами говоря, особой оригинальностью, не декорации Пикассо, которые, как это ни странно, не были выдержаны в духе кубизма, а представляли собой возврат к самому строгому классицизму. Публика пришла в ярость от музыки Сати!

«Уж если быть новатором – так быть», – решил Сати и ввел в свою партитуру стук печатной машинки, забыв, что всего в каких-нибудь 260 километрах от Парижа продолжались тяжелые бои французской армии с наступающими немцами. У всех на памяти еще был Верден... Публика сочла себя оскорбленной в лучших чувствах, решив, что композитор имитировал пулеметные очереди. (Вообще-то, между нами говоря, весь этот балет напоминал, по меткому выражению одного из зрителей, балаган на ярмарке с акробатами, жонглерами, фокусниками и дрессированной лошадей.)

² Слово la goulu по-французски и означает – обжора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.